

пытающихся ответить на ее вызовы и запросы. Ведь современность — не эмпирически наблюдаемый акт, имеющий точную историческую датировку, а постоянно решаемая человеком проблема, выводящая его за рамки того, что было и есть, что уже осело в традициях и нормах и потому доступно научному изучению. За пределами фактически данного всегда есть место новым возможностям, открытым свободном поиску. Они-то и определяют лицо современности, давая простор философским размышлениям о том, что она несет с собой человеку и культуре.

А.А. Пелипенко

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Сегодня не прекращаются споры о статусе культурологии как науки, о ее предмете и методе, о ее границах и самоопределении по отношению к другим дисциплинам и прежде всего философии.

Нередко можно слышать лукавые суждения о том, что культурология — это де наука обо всем и ни о чем и все ее аспекты якобы вполне находят место в пространстве философских наук. Поскольку, несмотря на то, что предметно-методологический образ культурологии как самостоятельной науки обрисовался уже вполне определенно, такого рода суждения по-прежнему весьма распространены, то не будет лишним остановиться на некоторых принципиальных моментах, касающихся соотношения культурологии и философии.

Начать следует с констатации очевидного и весьма печального для философов факта, состоящего в том, что философия (по крайней мере, в ее традиционном понимании) уже миновала свой золотой век. Это не ее вина. Это рано или поздно случается со всеми подсистемами культуры. Сначала молодая развивающаяся подсистема культуры, вычлняясь и отпадая от синкретического целого, захватывает и втягивает в себя максимальный феноменологический материал (помните, как в романтическую эпоху философского бума даже способ стрижки овец называли философическим?). Затем происходит медленный откат, внутренняя стабилизация и золотая пора непротиворечивого единства предмета, материала и метода. А дальше в силу непреодолимых законов автономизации всякой подсистемы предмет и материал меняются местами. Методологический инструментальный, понятийно-категориальная сетка образов и референций становится самодовлеющим и замкнутым на себе предметом, а реальность не более чем поводом, т.е. внешним и формальным моментом. Аналогичная ситуация со всей наглядностью проявилась, например, в искусстве, где начиная с конца XIX в. реальность как предмет творческого осмыслена, превратилась во внешний формальный момент, а собственно предметом искусства стало то, что раньше относилось к области выразительных средств. То же произошло и с философией. Замкнувшись на себе, она уже не объясняет мир как целое. Реальность философского дискурса — это нечто вроде пылинки, попадающей в перенасыщенный раствор и запускающий процесс кристаллизации мысли. Философское сознание давно не имеет дело с непосредственной реальностью бытия. Но зато замыкаясь на себе, философское сознание, может позволить себе приятные путешествия по созданным ею самой мирам. Так философия постепенно

ушла от своих традиционных задач как в области системного объяснения реальности, так и в области разработки методологии частных наук. Повторю ещё раз – такого рода «окукливание» – это не чья-либо вина, а результат закономерных процессов, описываемых системной культурологией. Можно сказать, что последняя в известной мере подхватила эстафету философии в деле интегративного знания о мире. Но при этом культурологические подходы изначально существенно отличаются от философских.

Культурология, формирующаяся к условиям постмодернистской критики классических методов, изначально снимает метафизические вопросы. Она не задается вечными вопросами о том, что такое мир, человек, познание, развитие и т.д. Она спрашивает: что происходит в смысловом пространстве культуры и в человеческой ментальности, что позволяет возникнуть, развиваться и проявиться таким именно приготовлениям о мире, человеке, познании и т.д. Культурология не ищет истину, она объясняет представления об истине. Она не сводит мышление к когнитивным процессам в человеческой голове, откуда оно «иррадирует» вовне, формируя философский образ. Она исследует мышление, изначально растворенное в реальности в виде ее самоорганизационных законов. А логико-теоретический дискурс выступает лишь заведомо приблизительным языком-инструментом описания этих законов.

Философская метафизика – продукт, если угодно, подросткового, в историческом смысле, сознания, с его ригоризмом и самонадеянным стремлением прорваться к постижению «истинного положения дел». Культурология – это форма исторического сознания повзрослевшего человека, лишенного романтических идеалов, умерившего свои претензии к миру, человека прагматичного, изжившего юношеский пафос и иллюзии возможности вылезти из собственной кожи и «раз и навсегда» ответить на вечные вопросы. Культурологу не надо искать исходные очевидности на скользкой почве дискурсивных спекуляций. Культурология безразлична к теоретическим моделям решения метафизических вопросов, если они никак не отражаются на реальном взаимоотношении человека и мира. Человек – существо культурное и пока он есть существо культурное, он пребывает в пространстве действия самоорганизационных законов культуры. Вот исходная очевидность. И все, что рождается в этом пространстве – в том числе и спекулятивные построения сознания о запредельном, – суть феномена культуры, а не нечто, стоящее за ее пределами.

Культурология – молодая наука. Поэтому ей свойственно некоторое временное выплескивание за свои не устоявшиеся границы. Это болезнь роста, и за это нельзя упрекать. Молодость имеет к тому же и неоспоримые достоинства. Одно из них состоит в том, что до замыкания на себе и окукливания еще довольно далеко. Это вселяет надежду, что культурологическая наука успеет реально расширить границы самопознания человечества позитивным знанием, как это сделала в свое время философия.